

«ТАКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ ИСТОРИИ — НАСТОЯЩАЯ РЕДКОСТЬ!
ЭТА КНИГА ПОДНИМЕТ НАСТРОЕНИЕ И СОГРЕЕТ ВАШЕ СЕРДЦЕ»

КОШКА ДАЛАЙ-ЛАМЫ

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ И УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА УЛИЧНОЙ КОШКИ
ИЗ ТРУШОВ НЬЮ-ДЕЛИ

ДЭВИД МИЧИ

Дэвид Мичи
**Кошка Далай-Ламы. Чудесное
спасение и удивительная судьба
уличной кошки из трущоб Нью-Дели**
Серия «Животные-звезды»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10315897
Кошка Далай-Ламы. Чудесное спасение и удивительная судьба уличной кошки из трущоб Нью-Дели / Дэвид Мичи: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-74367-4*

Аннотация

«Кошка Далай-Ламы» – это легкая и веселая книга, в которой описывается чудесная история спасения котенка из трущоб Нью-Дели. Дерзкая и умная кошка откроет вам путь в священную Дхарамсалу, проведет по заснеженным Гималаям, а также познакомит с бытом самого Далай-Ламы. В книге содержатся духовные уроки о том, как обрести счастье и истинный смысл жизни в нашем суетном материалистическом мире. Увлекательные мысли необыкновенной кошки, которые содержатся на страницах этой замечательной книги, поднимут вам настроение и согреют ваше сердце.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	16
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дэвид Мичи
Кошка Далай-Ламы. Чудесное
спасение и удивительная судьба
уличной кошки из трущоб Нью-Дели

© Новикова Т.О., перевод, 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

**Посвящается светлой памяти нашей маленькой
Ринпоче, принцессы сапфирового трона Вуссик.**

Она принесла нам радость, и мы любили ее.

**Пусть эта книга станет данью памяти и уважения
к ней и ко всем живым существам, которые так
быстро и легко достигают абсолютного просветления.**

Пусть все они обретут счастье

И истинные причины для счастья.

Пусть все они освободятся от страданий

И истинных причин страданий.

**Пусть все они никогда не утратят
счастья, проистекающего**

От отсутствия страданий и обретения великой радости

Нирваны и освобождения.

Пусть все существа живут в мире и спокойствии,

Избавившись от привязанностей и неприятия –

И освободившись от безразличия.

Пролог

Эта идея пришла мне в голову солнечным утром в Гималаях. Я лежала на своем привычном месте – на подоконнике первого этажа. Идеальное место: максимальный обзор при минимуме усилий! Его Святейшество давал личную аудиенцию.

Я слишком скромна, чтобы назвать вам имя человека, с которым беседовал Его Святейшество. Скажу лишь, что это была очень знаменитая голливудская актриса... ну вы знаете, *настоящая* блондинка, которая занимается благотворительностью, помогает детям и славится своей любовью к осликам. Да, это была *она!*

Собравшись уходить, она посмотрела в окно, откуда открывался потрясающий вид на заснеженные горы, и впервые заметила меня.

– О, какая красавица! – она подошла, чтобы почесать мне шейку. Я приняла этот знак внимания благосклонно – широко зевнула и элегантно вытянула передние лапы.

– Я не знала, что у вас есть кошка! – воскликнула актриса.

Поразительно, сколько людей произносит эти слова – хотя не все делают это так же откровенно, как изумленная американка. А почему бы Его Святейшеству и *не* иметь кошку – если наши отношения можно обозначить таким термином «иметь кошку»?

Кроме того, любой, кто отличается определенной наблюдательностью, непременно заметил бы присутствие кошки в жизни Его Святейшества по шерстинкам и волоскам, оставшимся на его одежде после нашего общения. Если вам когда-нибудь доведется близко пообщаться с Далай-ламой и увидеть его одеяние, вы почти наверняка заметите легкие клочки белого пуха. А это доказывает, что, живя в одиночестве, он впускает в свой ближний круг кошку безукоризненного, хотя и не подтвержденного родословной происхождения.

Именно поэтому корги английской королевы так нервно отреагировали на появление Его Святейшества в Букингемском дворце – удивительно, что на это не обратили внимания мировые средства массовой информации.

Но я отвлеклась.

Почесывая мне шейку, американская актриса спросила:

– А у нее есть имя?

– Конечно! – загадочно улыбнулся Его Святейшество. – У нее множество имен.

Далай-лама сказал чистую правду. У меня много имен – как и у любой домашней кошки. Некоторые звучат часто, другие реже. Одно из них волнует меня меньше всех остальных. Помощники Его Святейшества считают его моим официальным именем, но Далай-лама никогда им не пользуется – по крайней мере, его полным вариантом. И я не собираюсь раскрывать это имя, пока жива. Уж, конечно, не в этой книге.

Ну... *точно* не в этой главе.

– Если бы она могла говорить... – продолжала актриса. – Уверена, ей было бы чем с нами поделиться.

Так впервые зародилась эта идея.

После этой встречи я наблюдала за тем, как Его Святейшество работает над новой книгой: он долгие часы проводил за столом с тем, чтобы его слова были поняты правильно. Он тратил много времени и сил на то, чтобы каждое написанное им слово было исполнено глубочайшего смысла и служило человечеству. Я все чаще стала задумываться над тем, что пора бы и мне написать собственную книгу – книгу, в которой можно было бы передать ту мудрость, которую я усвоила, сидя не только у ног Далай-ламы, но и на его коленях. В этой книге можно было бы рассказать мою собственную историю – очередную историю вознесения из грязи в князи, из трущоб в храм. Я могла бы рассказать о том, как меня спасли от судьбы более печальной, чем это можно себе представить, и как я стала постоянной спут-

ницей человека – одного из величайших духовных лидеров планеты, лауреата Нобелевской премии мира и настоящего мастера обращения с открывалкой консервных банок.

Ближе к вечеру, почувствовав, что Его Святейшество слишком много часов провел за столом, я спрыгиваю с подоконника, направляюсь к нему и начинаю тереться своими пушистыми боками о его ноги. Если привлечь внимание мне не удастся, я вежливо, но решительно впиваюсь зубами в его мягкую щиколотку. И моя цель достигнута!

Далай-лама со вздохом отодвигает стул, берет меня на руки и направляется к окну. Он смотрит прямо в мои большие голубые глаза с такой безграничной любовью, что меня мгновенно охватывает ощущение невыразимого счастья.

«Моя маленькая бодхикатва» – так он порой называет меня, обыгрывая слово «бодхисаттва», которое на санскрите обозначает просветленное существо.

Мы вместе любимся потрясающим видом долины Кангра. Вечерний ветерок доносит до нас ароматы сосновой хвои, гималайского дуба и рододендрона. Нас окутывает почти магическая атмосфера. В теплых объятиях Далай-ламы растворяются все различия – между наблюдателем и наблюдаемым, между кошкой и ламой, между тишиной сумерек и моим горловым мурлыканьем.

И в такие моменты я испытываю чувство глубочайшей благодарности за то, что мне довелось стать кошкой Далай-ламы.

Глава первая

За событие, которое в самом раннем детстве изменило всю мою жизнь, я должна благодарить – вы не поверите! – испражняющегося быка! Без него, дорогой мой читатель, вам никогда не довелось бы взять в руки эту книгу.

Представьте себе обычный день в Нью-Дели в сезон дождей. Далай-лама возвращался домой из аэропорта имени Индиры Ганди – он только что прилетел из Соединенных Штатов. Его машина ехала по окраине города. Но тут пришлось остановиться: на середину дороги неспешно вышел бык и столь же неспешно наложил огромную кучу.

Возникла пробка. Его Святейшество спокойно смотрел в окно, ожидая, когда машина сможет двинуться дальше. И тут его внимание привлекла драма, разворачивающаяся на обочине.

Два оборванных беспризорника шныряли между торопящимися по своим делам пешеходами и велосипедистами, уличными торговцами и нищими. Утром между мусорными мешками и баками они наткнулись на выводок котят. Внимательно рассмотрев добычу, они поняли, что в их руках оказалось нечто ценное. Котята оказались не обычной для бездомных кошек непонятной породы. Мальчишки нашли настоящих породистых котят, которых явно можно было продать. С гималайской породой они были незнакомы, но красивый окрас, сапфировые глаза и мягкая шерстка говорили о том, что за таких малышей можно выручить приличные деньги.

Беспризорники безжалостно вытащили меня и моих братьев и сестер из уютного гнездышка, устроенного нашей матерью, и поволокли на страшную, шумную улицу. Двух моих старших сестер, которые были крупнее и ярче всех нас, сразу же удалось обменять на рупии. Мальчишки были в таком восторге, что уронили меня на тротуар, где мне лишь чудом удалось избежать гибели под колесами скутера.

Продать двух более мелких и тощих котят оказалось труднее. Несколько часов мальчишки сновали по улицам, демонстрируя нас водителям и пассажирам проезжавших машин. Я была слишком мала, чтобы отнимать меня от матери. Мое крошечное тело устало бороться. Мне нужно было молоко. Все косточки болели после падения. Я почти теряла сознание, когда беспризорникам удалось привлечь внимание пожилого прохожего, который захотел купить котенка для своей внучки.

Мальчишки выпустили двух котят на землю, а мужчина присел на корточки и стал нас рассматривать. Мой старший брат пополз по пыльной обочине, жалобно мяукая от голода. Когда меня тряхнули за загривок, чтобы я начала двигаться, сил у меня хватило только на единственный шаткий шаг. После этого я рухнула в грязь.

Именно это и увидел Его Святейшество.

И то, что произошло потом.

Мальчишки договорились о цене. Беззубый старик забрал моего брата. А я валялась в грязи, пока беспризорники спорили, что со мной делать. Один из них придерживал меня ногой. В конце концов, они решили, что продать меня не удастся, нашли в ближайшем мусорном баке спортивную страницу из недельной давности Times of India, завернули меня, как кусок протухшего мяса, и уже собирались выбросить.

В свертке я начала задыхаться. Каждый вдох давался мне с огромным трудом. Я и без того обессилела от усталости и голода. Я чувствовала, что огонек жизни в моем тельце слабеет с каждой минутой. В эти последние моменты отчаяния смерть казалась неизбежной.

И тут Его Святейшество отправил на улицу своего помощника. Помощник Далай-ламы только что сошел с самолета, прилетевшего из Америки. В кармане у него оказалось две купюры по одному доллару. Он протянул их мальчишкам, и те, схватив деньги, со всех ног

бросились прочь, потому как эти две купюры могли превратиться в приличное количество рупий.

Меня вытащили из смертельной хватки спортивной газетной страницы (заголовок гласил: «Бангалор разгромил Раджастан в крикетном матче»). И вот я уже удобно устроилась на заднем сиденье машины Далай-ламы. По дороге Далай-лама велел помощнику купить у уличного торговца молоко, и меня накормили. Так Его Святейшество вернул жизнь в мое обмякшее тельце.

Ничего этого я не помню, но историю моего спасения вспоминали столько раз, что я выучила ее наизусть. Помню лишь то, что проснулась в месте, наполненном такой бесконечной теплотой, что впервые с того момента, когда меня вытащили из нашего гнездышка тем утром, я почувствовала, что со мной все будет хорошо. Разыскивая того, кто обеспечил меня едой и теплом, я уставилась прямо в глаза Далай-ламе.

Как описать момент первого знакомства с Его Святейшеством?

Это было одновременно и мысль, и чувство – глубокое, теплое понимание того, что все будет хорошо.

Как я поняла позже, это было первое в моей жизни осознание того, что истинная моя природа – безграничная любовь и сострадание. Эти чувства всегда живут в душе любого существа, но Далай-лама видит их и отражает их на того, кто рядом с ним. Он воспринимает буддистскую природу человека, и это поразительное откровение часто повергает людей в слезы.

Завернутая в мягкую бордовую тряпочку, я лежала на стуле в кабинете Его Святейшества. Тогда я осознала еще один факт – тот, что имеет первостепенную важность для всех котиков: я оказалась в доме человека, который любит кошек.

Я ощутила это очень остро. Но столь же остро я почувствовала и менее приятное для меня присутствие за кофейным столиком. Вернувшись в Дхарамсалу, Его Святейшество продолжил работу в соответствии со своим графиком. Он уже давно обещал дать интервью профессору истории, приехавшему из Англии. Не могу сказать, кем именно был этот профессор, помню лишь, что он окончил один из двух самых знаменитых английских университетов Лиги плюща.

Профессор работал над книгой по истории Индии и Тибета. Ему явно не нравилось то, что Далай-лама делит свое внимание с кем-то еще.

– Бродячая кошка? – воскликнул он, когда Его Святейшество в двух словах объяснил ему, почему я нахожусь между ними.

– Да, – подтвердил Далай-лама. Он явно отвечал не на слова гостя, а на тот тон, каким были сказаны эти слова. Вежливо улыбнувшись профессору, Далай-лама заговорил тем глубоким, теплым баритоном, которому суждено было стать для меня привычным: – Знаете, профессор, у этого бродячего котенка есть с вами нечто общее.

– Не могу даже вообразить, – холодно ответил профессор.

– Для вас самое важное в мире – это ваша жизнь, – сказал Его Святейшество. – Этот котенок думает точно так же.

Наступила тишина. Было очевидно, что, несмотря на всю свою эрудицию, профессор никогда прежде не задумывался над этой поразительной идеей.

– Вы же не считаете, что жизнь человека и жизнь животного одинаково ценны? – недоверчиво спросил он.

– Конечно, люди обладают значительно бóльшим потенциалом, – ответил Его Святейшество. – Но все мы больше всего на свете хотим жить и одинаково цепляемся за этот опыт сознания. В *этом* отношении люди и животные абсолютно равны.

– Ну, возможно, некоторые более сложные млекопитающие... – Профессору явно было трудно смириться с подобной идеей. – Но не все животные! Например, *тараканы!*

– И тараканы тоже, – ничуть не смутясь, продолжал Его Святейшество. – Все существа, которые обладают сознанием.

– Но тараканы переносят грязь и болезни! Мы *должны* их уничтожить!

Его Святейшество поднялся, подошел к столу и взял большой спичечный коробок.

– Это наша ловушка для тараканов, – пояснил он, привычно улыбнувшись. – Полагаю, куда лучше любого спрея. *Вы* же не хотели бы, чтобы за вами гонялись с огромным баллоном ядовитого газа.

Профессор согласился с этой очевидной, но непривычной мудростью, ничего не сказав в ответ.

– Для каждого, кто обладает сознанием, – Далай-лама вернулся в свое кресло, – его жизнь драгоценна. Следовательно, мы должны прилагать все силы к тому, чтобы защищать всех мыслящих существ. Нужно признать, что у нас есть два общих основных желания: желание наслаждаться счастьем и желание избежать страданий.

Эти слова я слышала от Далай-ламы очень часто. Он повторял их по-разному, но каждый раз говорил с поразительной ясностью и силой, словно произнося впервые.

– Эти желания свойственны всем. Мало того, мы еще и стремимся к счастью и пытаемся избежать дискомфорта совершенно одинаково. Кому из нас не доставляет удовольствия роскошная трапеза? Кому не хотелось бы провести ночь в уютной, удобной постели? Писатель, монах – и бродячая кошка – в этом мы все равны.

Профессор, сидевший напротив Далай-ламы, заерзал в кресле.

– А больше всего, – сказал Далай-лама, наклоняясь ко мне и поглаживая меня указательным пальцем, – мы все хотим быть любимыми.

К тому времени, когда профессор уходил, ему было о чем подумать – и не только о взглядах Далай-ламы на историю Индии и Тибета, которые зафиксировал его диктофон. Мысль Его Святейшества была непростой. Она противоречила устоявшимся взглядам. Но и опровергнуть ее было нелегко... в чем мы скоро и убедимся.

В последующие дни я быстро освоилась на новом месте. Его Святейшество устроил мне уютное гнездышко из своего старого флисового одеяния. Каждый день поднималось солнце и заливало комнату Далай-ламы теплым светом. Его Святейшество и двое его помощников с поразительной нежностью поили меня теплым молочком, пока я не окрепла достаточно, чтобы питаться другой пищей.

Я начала гулять – сначала по комнатам Далай-ламы, потом стала выходить дальше, в кабинет, где работали двое его помощников. Возле двери сидел молодой, упитанный монах с улыбающимся лицом и мягкими руками. Его звали Чогьял, и он помогал Его Святейшеству в монашеских вопросах. Напротив него сидел Тенцин, более высокий и взрослый. На нем всегда был элегантный костюм, а руки его пахли карболовым мылом. Тенцин был профессиональным дипломатом – атташе по культуре. Он консультировал Далай-ламу по светским вопросам.

Когда я впервые пробралась в уголок их кабинета, они сразу же замолчали.

– Кто это? – удивленно спросил Тенцин.

Чогьял с улыбкой поднял меня и усадил на свой стол. Я сразу же устала на яркий синий колпачок его ручки.

– Далай-лама спас эту кошку, проезжая по Дели, – сказал Чогьял и пересказал своему товарищу историю моего спасения. А я в это время увлеченно гоняла колпачок по столу.

– Почему она так странно ходит? – спросил Тенцин.

– Наверное, она повредила спину во время падения.

– Гмм. – В голосе Тенцина явно чувствовались сомнения. Он наклонился, чтобы рассмотреть меня повнимательнее. – Наверное, она плохо питалась и была самым маленьким котенком в помете. У нее есть имя?

– Нет, – ответил Чогьял. Мы с ним затеяли увлекательную борьбу за синий пластиковый колпачок.

– Мы должны дать ей имя! – воскликнул он. Сложность задачи явно его привлекала. – Правильное имя. Как ты думаешь, имя должно быть тибетским или английским?

(В буддизме, когда человек становится монахом, он получает новое имя, соответствующее его новому положению.)

Чогьял придумал несколько имен, но Тенцин сказал:

– Лучше не форсировать события. Уверен, когда мы узнаем ее лучше, то имя придет само собой.

Слова Тенцина, как всегда, оказались мудрыми и пророческими – как выяснилось, к несчастью для меня. Гоня колпачок по столу, я приблизилась к Тенцину. Он ухватил меня поперек маленького пушистого живота и спустил на ковер.

– Тебе лучше побыть здесь, – сказал он. – Это письмо Его Святейшества папе римскому. Отпечатки лап его не украсят!

Чогьял засмеялся:

– Подписано кошкой Его Святейшества!

– КЕС, – подхватил Тенцин. В официальной переписке Его Святейшество Далай-ламу часто называли сокращенно – ЕСДЛ. – Вот так и будем ее называть, пока не найдем для нее подходящего имени.

За кабинетом помощников Далай-ламы начинался коридор, который вел к другим кабинетам и всегда тщательно запертой двери. Из разговоров помощников я знала, что дверь ведет в массу интересных мест – Вниз, Наружу, в Храм и даже За границу. Через эту дверь входили и выходили все гости Его Святейшества. Она вела в огромный новый мир. Но тогда я была всего лишь крохотным котенком, и меня вполне устраивал тот мир, в котором я находилась.

Свои первые дни на этой Земле я провела в тесном закоулке и ничего не понимала в человеческой жизни. Я даже не представляла, насколько необычны те обстоятельства, в которых оказалась. Когда Его Святейшество в три часа ночи поднимался для пятичасовой медитации, я шла за ним и сворачивалась клубочком возле него. Меня питали его энергия и тепло. Я думала, что все люди начинают каждый день с медитации.

Когда к Его Святейшеству приходили гости, я видела, что они всегда протягивают ему белый шарф, *ката*, а он возвращает его им с благословением. Я полагала, что именно так люди и приветствуют гостей. Я понимала, что многие из тех, кто приходил к Его Святейшеству, проделывали большой путь – и это тоже казалось мне совершенно нормальным.

А потом однажды Чогьял поднял меня и пощекотал мне шейку.

– Ты думаешь, кто все эти люди? – спросил он, заметив, что я рассматриваю множество фотографий в рамках, которые висели на стене кабинета помощников Далай-ламы. Указав на снимки, он сказал: – Это восемь последних президентов Соединенных Штатов. Ты же знаешь, Его Святейшество – совершенно особый человек.

Я знала это, потому что Далай-лама всегда проверял температуру молочка, прежде чем дать его мне. Молоко должно было быть теплым, но не слишком горячим.

– Он – один из величайших духовных лидеров мира, – продолжал Чогьял. – Мы верим в то, что он – живой Будда. Должно быть, у тебя очень тесная кармическая связь с ним. Интересно было бы узнать, что вас соединило.

Через несколько дней я нашла дорогу в коридор, добралась до маленькой кухни и комнаты, где помощники Далай-ламы отдыхали, обедали и пили чай. На диване сидели несколько монахов. Они смотрели программу, посвященную недавнему визиту Его Святейшества в США. Все уже знали, кто я такая – я стала настоящим талисманом резиденции Далай-ламы. Запрыгнув на колени одного монаха, я позволила ему гладить меня и стала вместе со всеми смотреть телевизор.

Сначала я видела только огромную толпу людей. В центре виднелась маленькая красная точка. А вот голос Его Святейшества я слышала совершенно отчетливо. Программа шла дальше, и я поняла, что эта красная точка и есть Его Святейшество – он выступал на огромном крытом спортивном стадионе. То же самое повторялось во всех городах – от Нью-Йорка до Сан-Франциско, – где побывал Далай-лама. Комментатор сказал, что огромные толпы людей, собиравшиеся во всех городах, показывают, что Далай-лама куда популярнее многих рок-звезд.

Понемногу я начала понимать, какой выдающийся человек Далай-лама и как высоко его ценит общество. А поскольку Чогьял сказал, что нас с ним связывает «очень тесная кармическая связь», то в какой-то момент я поверила и в то, что я тоже – особая кошка. В конце концов, ведь это меня Его Святейшество спас в трущобах Нью-Дели. Может быть, он узнал во мне родственный дух? Может быть, наши души настроены на одну и ту же духовную волну? Когда я слышала, как Его Святейшество говорит своим гостям о важности любовной доброты, то сразу же начинала мурлыкать, подтверждая справедливость этих слов. Я думала точно так же. Когда он открывал очередную банку кошачьего корма, мне, как и ему, было совершенно очевидно, что все мыслящие существа хотят удовлетворять одни и те же основные потребности. А когда после ужина он поглаживал мой набитый животик, становилось ясно, что он абсолютно прав: все мы одинаково хотим быть любимыми.

Примерно в то время начались разговоры о том, что делать, когда Его Святейшество отправится в трехнедельную поездку по Австралии и Новой Зеландии. График поездок был очень напряженным, и нужно было решить: следует ли мне остаться в резиденции Далай-ламы или будет лучше подыскать мне новый дом?

Новый дом? Что за безумная идея?! Я была КЕС и сумела отстоять свое место в окружении Далай-ламы. Я не собиралась жить ни с кем, кроме него. Я научилась ценить самые обычные события моей повседневной жизни – возможность сидеть на подоконнике, пока Его Святейшество разговаривает с гостями, есть чудесную пищу, которую он и его помощники подавали мне на блюдечке, слушать вместе с Тенцином дневные концерты.

Хотя атташе по культуре Его Святейшества был уроженцем Тибета, он окончил Оксфордский университет в Англии. Он поступил туда, когда ему было всего двадцать лет, и полюбил все европейское. Каждый день после обеда, если не было неотложных дел, Тенцин поднимался из-за стола, брал маленькую пластиковую коробочку с обедом, приготовленным женой, и отправлялся по коридору в комнату скорой помощи. Комната редко использовалась по прямому назначению, но в ней имелись узкая койка, аптечка, кресло, а Тенцин установил здесь небольшую аудиосистему. Как-то раз из любопытства я пошла за ним и увидела, как он устроился в кресле и нажал кнопку на пульте управления системой. И неожиданно комната наполнилась музыкой. Тенцин закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, и на губах его появилась улыбка.

Когда короткая фортепьянная пьеса закончилась, он пояснил мне:

– Это Бах, прелюдия си мажор, КЕС.

А мне казалось, что он вообще не заметил, что я сижу рядом с ним!

– Прекрасно, правда? Это одно из моих любимых произведений. Все так просто – одна мелодическая линия, никакой гармонии – но какая глубина переживаний!

Это был мой первый урок музыки и западной культуры, полученный от Тенцина. Так повторялось почти каждый день. Он искренне радовался моему присутствию – ведь со мной можно было разделить свой восторг от оперной арии или струнного квартета, – а иногда от драматического спектакля, посвященного какому-то историческому событию.

Пока он ел то, что приносил в своей пластиковой коробочке, я сворачивалась на кушетке – когда мы были вдвоем, он позволял мне такую вольность. Так час за часом я знакомилась с музыкой и западной культурой – и это начинало мне нравиться.

А потом произошло нечто неожиданное. Его Святейшество отправился в храм, и дверь осталась открытой. К тому времени я уже превратилась в любопытного подростка, и мне вовсе не хотелось все дни проводить под уютным флисом. Бродя по коридору в поисках развлечений, я увидела открытую дверь и поняла, что мне нужно пройти сквозь нее, чтобы увидеть то, что скрывается за ней. Внизу. Снаружи. За границей.

Каким-то образом я сумела преодолеть два лестничных пролета. Хорошо, что лестница была покрыта ковром, – посередине пути я свалилась и кубарем полетела в самый низ. Поднявшись на лапы, я прошла через небольшой вестибюль и вышла Наружу.

С того момента, когда меня купили у беспризорников в Нью-Дели, я ни разу не была на улице. Здесь царили суета и шум. Люди сновали в разные стороны. Я отошла совсем недалеко и вдруг услышала хор девичьих голосов и топот каблучков по тротуару. Меня заметила группа японских школьниц! Они тут же бросились за мной.

Я была в панике! Я побежала изо всех сил, как только позволяли мои неокрепшие лапки. Я неслась прочь от кричащих девчонок. Я слышала, как топчут их каблучки и дрожит под ними земля. Мне было не скрыться от них!

И вдруг я заметила узкую щель между кирпичными колоннами, которые поддерживали веранду. Щель вела под дом. Она была очень узкой, но времени у меня не было. Я не представляла, куда ведет эта щель. Но стоило мне в ней оказаться, как шум и крики сразу же стихли. Я оказалась в подвале – между землей и деревянным полом веранды. Там было темно и пыльно. До меня доносился постоянный гул шагов и проезжавших мимо машин. Зато я была в безопасности! Я не знала, сколько мне придется здесь пробыть, пока японки не уйдут. Сдув паутину с мордочки, я решила не испытывать судьбу и отсидеться.

Когда глаза и уши привыкли, я различила какое-то царпанье – прерывистое, но непрекращающееся шуршание, словно кто-то что-то грызет. Я замерла, раздула ноздри и стала втягивать воздух. За царпаньем последовал настоящий залп едкого запаха, от которого у меня усы встали дыбом. Мгновенная мощная реакция запустила во мне рефлекс – я даже не знала, что он у меня есть!

Хотя я никогда прежде не видела мышей, но сразу же поняла, что это – добыча. Мышь сидела у кирпичной стены и сосредоточенно грызла деревянную балку крупными передними зубами.

Я двигалась очень осторожно. Наверху продолжали ходить, и за звуком шагов не было слышно моих движений.

Инстинкт победил! Одним движением передней лапы я сбила грызуна с балки на землю. Оглушенная мышь не шевелилась. Я наклонилась и вонзила зубы в ее шею. Серое тельце обмякло.

Я точно знала, что нужно делать дальше. Схватив добычу зубами, я протиснулась сквозь щель между кирпичными колоннами, осмотрелась вокруг, убедилась, что японские школьницы ушли, и поспешила обратно – домой. Пройдя через вестибюль, я начала карабкаться по лестнице к двери.

Дверь была плотно закрыта!

Что же делать? Я уселась под дверь, гадая, сколько придется ждать, пока не появится кто-нибудь из помощников Его Святейшества. И вот человек появился. Он узнал и впустил меня, но не обратил никакого внимания на мой трофей. Я прошла по коридору и свернула за угол.

Далай-лама все еще был в храме, поэтому я пошла в кабинет помощников. Мышь я волочила за собой. О своем появлении я объявила громким мяуканьем. Привлеченные необычным звуком, Тенцин и Чогьял обернулись и с изумлением воззрились на меня. Я гордо стояла посреди комнаты, а у моих лап валялась мышь.

Их реакция меня удивила. Я такого не ожидала. Обменявшись быстрыми взглядами, оба вскочили со своих мест. Чогьял подхватил меня на руки, а Тенцин склонился над неподвижной мышью.

– Еще дышит, – сказал он. – Наверное, это шок.

– Возьми коробку от принтера, – подсказал ему Чогьял, указав на пустую картонную коробку от только что замененного картриджа.

Воспользовавшись старым конвертом, Тенцин переместил мышь в коробку и стал внимательно ее рассматривать.

– Как ты думаешь, где?..

– У этой паутина на усах, – ответил Чогьял, внимательно меня рассмотрев.

У этой? Этой? Разве подобает так говорить о КЕС?

В этот момент в кабинет вошел водитель Далай-ламы. Тенцин передал ему коробку, велел наблюдать за мышью и, если она поправится, выпустить ее в ближайшем парке.

– Наверное, КЕС выходила, – сказал водитель, встретившись со мной взглядом.

Чогьял продолжал держать меня на руках, но не с обычной нежностью, а осторожно, словно дикого зверя.

– КЕС... – произнес он. – Не уверен, что она сохранит это имя.

– Мы и не собирались так ее называть, – поправил его Тенцин, вернувшись за стол. – Но Мышедавка Его Святейшества – тоже не лучший вариант.

Чогьял опустил меня на ковер.

– Может, назвать ее просто Мышедавкой? – предложил шофер. Но из-за сильного тибетского акцента слово «маусер» в его устах прозвучало, как «мауси».

Все трое уставились на меня. Разговор приобретал опасный оборот, и я до сих пор об этом сожалею.

– Мы не можем назвать ее просто Мауси, – сказал Чогьял. – Надо что-то добавить в начало или конец.

– Мауси-Монстр? – предложил Тенцин.

– Мауси-Убийца? – подхватил Чогьял.

Наступила пауза. Потом водитель высказал свое мнение:

– Может быть, Мау-Си-Дун?

Все трое расхохотались. Маленькая, пушистая кошка непонимающе смотрела на них.

Тенцин с напусковой серьезностью посмотрел на меня.

– Сочувствие – дело хорошее. Неужели ты правда думаешь, что Его Святейшество будет делить кров с Мау-Си-Дуном?

– Или оставит Мау-Си-Дуна за себя на те три недели, что он будет в Австралии? – добавил Чогьял, и они снова расхохотались.

Я вскочила и бросилась прочь из комнаты, прижав уши и поджав хвост.

Несколько часов я спокойно сидела на залитом солнцем подоконнике в комнате Его Святейшества. Только здесь я начала понимать всю чудовищность моего поступка. Я постоянно слышала, как Далай-лама говорил о том, что для всех мыслящих существ их жизнь

дорога так же, как наша для нас. Но вспомнила ли я об этих словах, когда в первый и единственный раз оказалась за пределами дома во внешнем мире?

Все существа хотят быть счастливыми и избежать страданий – когда я охотилась на мышь, эта мысль даже не мелькнула в моей голове. Я просто поддалась инстинкту. Ни на минуту я не задумалась над своими действиями – с точки зрения *мыши*.

Я начала понимать, что простота идеи вовсе не облегчает ее реализацию. Можно согласно мурлыкать, слушая изложение высоких принципов. Но все это пустое, если не начнешь *жить* в соответствии с ними.

Я гадала, расскажут ли помощники о моем новом имени Его Святейшеству – и станет ли это имя мрачным напоминанием о величайшей ошибке моей короткой жизни. Не придет ли он в ужас от содеянного мной? Не изгонит ли из этого прекрасного рая навечно?

К счастью для меня, мышь выжила. И когда Его Святейшество вернулся, к нему сразу же потоком пошли гости.

О произошедшем он заговорил лишь поздним вечером. Он сидел в постели и читал, потом закрыл книгу, снял очки и положил их на столик у изголовья.

– Мне рассказали, что случилось, – прошептал он, повернувшись ко мне. – Иногда инстинкты и негативный настрой могут взять верх. Позже мы глубоко сожалеем о содеянном. Но мы не должны сдаваться – будды не сдаются. Надо учиться на собственных ошибках и двигаться дальше. Вот примерно так...

Он выключил свет, и мы лежали в темноте. Я потихоньку мурлыкала от удовольствия.
– Завтра мы начнем снова, – сказал Далай-лама.

На следующий день Его Святейшество читал письма, отобранные его помощниками из огромной кипы корреспонденции, которую доставляли в резиденцию каждое утро.

Держа в руке письмо и книгу, присланную английским профессором-историком, Далай-лама повернулся к Чогьялу:

– Это очень мило.

– Да, Ваше Святейшество, – кивнул Чогьял, рассматривая глянцевую обложку.

– Я говорю не о книге, – пояснил Его Святейшество, – а о письме.

– Да?

– Профессор пишет, что он обдумал нашу беседу и перестал устанавливать ловушки для слизней у своих роз. Теперь он выпускает слизней за ограду сада.

– Это прекрасно! – улыбнулся Чогьял.

Далай-лама посмотрел прямо на меня.

– Нам же понравилась встреча с ним, верно?

Я вспомнила, что в тот момент профессор показался мне совершенно непросветленным. Но как я могу судить об этом после того, что произошло вчера.

– Письмо доказывает, что все мы можем измениться, верно, Мауси?

Глава вторая

Хотя кошки большую часть дня проводят в уютной дремоте, нам нравится, когда наши люди чем-то заняты. Нет, они не должны шуметь и приставать к нам – просто заниматься чем-то таким, что могло бы нас развлечь в те моменты, когда мы решим проснуться. А почему, как вы думаете, у большинства кошек есть своя любимая театральная ложа – место на подоконнике, крыльце, воротах или шкафу? Разве вы, дорогой читатель, не понимаете, что являетесь для нас прекрасным развлечением?

Жить в Джоканге – так называется храмовый комплекс Далай-ламы – удивительно приятно. И знаете почему? Потому что здесь всегда что-то происходит.

Каждое утро храмы оживают еще до пяти часов. Раздается шорох сандалий – монахи монастыря Намгьял собираются на утреннюю медитацию. К этому времени мы с Его Святейшеством медитируем уже два часа. Но когда я замечаю движение снаружи, то обычно поднимаюсь, вытягиваю перед собой передние лапы и пару раз выпускаю и втягиваю когти, царапая ковер. А потом занимаю любимое место на подоконнике. Оттуда я наблюдаю за обычными ежедневными ритуалами: монашеская жизнь не отличается разнообразием. Каждый день повторяется одно и то же.

Все начинается, когда на горизонте появляются золотистые искры – в храме и монашеских обителях зажигают лампы. Летом заметно, как утренний ветерок разносит облачка пурпурных благовоний. Из открытых окон доносятся звуки пения. А небо на востоке начинает светлеть.

Монахи выходят из храма в девять утра. К этому времени мы с Его Святейшеством успеваем позавтракать. Далай-лама усаживается за свой стол. Он встречается с помощниками и советниками, а монахи возвращаются к своей обычной жизни, которая подчинена строго определенному распорядку. Они читают священные тексты, слушают проповеди, во дворе обсуждают философские вопросы и медитируют. Прерываются монахи только на две трапезы, а в десять вечера общая деятельность прекращается.

После этого молодые монахи возвращаются домой и до полуночи учат священные тексты. Старшие монахи трудятся дольше – они часто изучают тексты и обсуждают их до часа-двух ночи. Период полного покоя в монастыре длится всего несколько часов.

Весь день жизнь кипит в кабинете Его Святейшества. Поток гостей не иссякает. Сюда приезжают всемирно известные политики, знаменитости и филантропы. Приходят и менее известные, но порой гораздо более интересные люди, например оракул Нейчунга, которого Его Святейшество порой консультирует. Оракул Нейчунга – посредник между материальным и духовным мирами, он является государственным оракулом Тибета. О сложностях в отношениях с Китаем он предупреждал еще в 1947 году. Нейчунга продолжает помогать в принятии важных решений, входя в состояние транса. Иногда это происходит в ходе сложной церемонии, когда оракул изрекает пророчества и дает советы.

Вы, наверное, думаете, что, находясь в такой увлекательной и комфортной среде, я считаю себя самой счастливой кошкой, когда-либо «игравшей на виолончели» (так мы, кошки, деликатно называем этап ухода за собой, когда начинаем вылизывать свои «нижние регионы»). Но, дорогой мой читатель, первые месяцы жизни рядом с Далай-ламой были очень непростыми.

Возможно, это объяснялось тем, что я до самого недавнего времени знала только один образ жизни – жизнь одного из четырех котят бродячей кошки. А может быть, сказалось отсутствие контактов с другими мыслящими существами, наделенными мехом и усами. Как бы то ни было, я не только чувствовала себя страшно одинокой, но еще и утвердилась в мысли о том, что счастливой могу стать только в присутствии другой кошки.

Далай-лама это понимал. Он с невыразимой нежностью и состраданием ухаживал за мной с самого первого момента, когда я оказалась в его машине. Он очень внимательно относился ко мне в эти первые недели, трогательно заботясь о моем благополучии.

Вот почему вскоре после инцидента с мышью, когда я потерянно и печально слонялась по коридору, Далай-лама заметил меня по дороге в храм, повернулся к сопровождавшему его Чогьялу и сказал:

– Может быть, маленький Снежный Барс пойдет с нами?

Снежный Барс? Имя мне понравилось. Далай-лама подхватил меня, и я замурлыкала от удовольствия. Снежные барсы на Тибете считаются священными животными, символами абсолютного счастья. Это очень красивые, грациозные, восхитительные животные.

– Нам предстоит важный день, – сказал мне Его Святейшество, когда мы спускались по лестнице. – Сначала мы идем в храм и будем наблюдать за испытаниями. Затем придет госпожа Тринчи, чтобы приготовить обед для сегодняшнего гостя. Тебе же нравится госпожа Тринчи, верно?

Нравится? Слишком слабо сказано! Я *обожала* госпожу Тринчи – или, точнее, приготовленную ею куриную печенку. Она готовила это блюдо специально для меня!

Когда Далай-лама принимал особо важных гостей, всегда приглашали госпожу Тринчи. С вдовой-итальянкой, жившей неподалеку, Далай-лама познакомился более двадцати лет назад, когда нужно было устроить грандиозный банкет для большой делегации из Ватикана. Госпожа Тринчи проявила недюжинные кулинарные способности, затмив всех своих предшественников, и очень скоро стала любимым поваром Далай-ламы.

Элегантная пятидесятилетняя дама, питающая склонность к ярким платьям и необычным украшениям, прибывала в Йокханг в состоянии нервного возбуждения. Стоило ей появиться, и кухня оказывалась в полном ее распоряжении. В свою деятельность она ухитрялась вовлекать всех, а не только работников кухни. Как-то раз госпожа Тринчи заметила, что мимо ее кухни проходит настоятель тантрического колледжа Гюйме, позвала его, повязала ему фартук и усадила резать морковь!

Госпожа Тринчи не была знакома с протоколом и не испытывала ни малейшего стеснения. Духовное просветление никак не могло помешать ей приготовить великолепный обед на восемь персон. Ее чисто оперный темперамент совершенно не соответствовал спокойному монашескому смирению, но в ее живости, страсти и энергичности было нечто такое, что привлекало абсолютно всех.

Ее щедрое сердце было невозможно не полюбить. Она всегда готовила еду не только для Его Святейшества, но и для всех его помощников. Все могли рассчитывать на сытное жаркое, яблочный штрудель, шоколадный мусс или какой-нибудь другой восхитительный десерт – наш холодильник никогда не пустовал.

Стоило ей меня увидеть, как она объявила меня Самым Красивым из Всех Живущих Существ. И с этого дня ни одно посещение кухни Далай-ламы не обходилось без какого-нибудь лакомства, которое она готовила специально для меня. Госпожа Тринчи усаживала меня на стол и внимательно наблюдала за мной своими крупными карими глазами с густо накрашенными ресницами. А я с удовольствием поглощала куриный бульон, запеченную индейку или филе миньон. Восхитительные воспоминания! А тем временем Чогьял нес меня через двор к храму.

Я никогда прежде не была в храме. Невозможно было придумать лучшего повода, чем сопровождение Его Святейшества. Храм – это поразительное, светлое здание, с очень высокими потолками и яркими настенными росписями, изображающими богов в расширенных шелковых одеяниях. На стенах висят разноцветные знамена победы. Перед огромными статуями Будды установлены ряды блестящих медных чаш, куда помещают символические жертвоприношения – пищу, цветы, благовония... На подушках сидели сотни монахов, ожи-

давших начала испытаний. Они переговаривались между собой, и этот тихий гул не прекратился даже после появления Далай-ламы. Обычно Далай-лама входит через центральные ворота и занимает свое место на троне наставника в почтительной тишине. Но сегодня он вошел через заднюю дверь, чтобы не привлекать к себе внимания и не отвлекать монахов от подготовки к испытаниям.

Каждый год молодые монахи, желающие получить степень геше, участвуют в испытаниях. Количество мест для обучения ограничено. Геше – это высшая степень в тибетском буддизме, ее можно сравнить с защитой докторской диссертации. Продолжительность обучения составляет 12 лет. Монахи должны тщательно изучить священные тексты, научиться анализировать и обсуждать тонкие философские различия. И, конечно же, все эти годы заполнены многочасовыми медитациями. Все эти двенадцать лет монахи трудятся по 20 часов в день в соответствии со строгим распорядком обучения. Но несмотря на все трудности, конкурс каждый год оказывается очень высоким. Многие монахи мечтают удостоиться этой высокой чести.

В сегодняшних испытаниях принимали участие четыре молодых монаха. В соответствии с традицией они отвечали на вопросы экзаменаторов перед всеми монахами Намгьяла – это нелегко, но делает процедуру испытания открытой и прозрачной. Наблюдение за испытаниями – хорошая подготовка для молодых монахов, которые когда-нибудь тоже выйдут перед своими товарищами.

Я сидела у стены храма, на коленях Чогьяла, рядом с Далай-ламой. Я слышала, как на вопросы о карме и природе реальности отвечали два брата из Бутана, мальчик из Тибета и французский студент. Бутанцы дали правильные, заученные ответы. Мальчик из Тибета процитировал священный текст. Француз же пошел дальше. Он показал, что не просто выучил тексты, но и глубоко их понял. Слушая его, Далай-лама тепло улыбался.

Затем начались дебаты со старшими монахами, которые пытались обезоружить студентов хитроумными аргументами. И снова повторилось то же самое. Бутанцы и мальчик из Тибета строго придерживались учебника, тогда как француз находил интересные контраргументы, изумляя всех собравшихся.

Наконец настало время декламации текстов. Студенты из Гималаев отвечали безупречно. Француза попросили прочесть «Сердечную сутру» – короткий, но один из самых знаменитых буддистских текстов. Он начал читать четко и громко. Но почему-то француз сбился. В зале наступила изумленная тишина – послышалось, как кто-то шепотом подсказывает слова. Француз начал снова, на этот раз менее уверенно, и снова сбился. Он повернулся к экзаменаторам и смущенно пожал плечами. Они жестами позволили ему сесть на место.

Вскоре они объявили о своем решении: бутанцы и мальчик из Тибета приняты и могут учиться для получения степени геше. Француз испытания не выдержал.

Я чувствовала печаль Далай-ламы во время оглашения результатов. Решение экзаменаторов было очевидно, но все же...

– На Западе меньше внимания уделяют заучиванию, – прошептал Чогьял, и Его Святейшество согласно кивнул.

Попросив Чогьяла позаботиться обо мне, Далай-лама направился к обескураженному французу и увел его в небольшую комнатку, которая располагалась за большим залом. Там он сказал молодому человеку, что присутствовал на испытаниях.

Кто знает, о чем они говорили в тот день? Но через несколько минут француз вернулся в зал, успокоенный и потрясенный тем, что ему удалось привлечь внимание Далай-ламы. Я поняла, что Его Святейшество обладает удивительной способностью: он помогает людям осознать высшую цель их существования – ту, что приносит величайшее счастье и благо и самому человеку, и многим другим.

– Иногда я слышу, как люди довольно пессимистично оценивают будущее буддизма, – сказал Его Святейшество Чогьялу, когда мы возвращались в резиденцию. – Хорошо бы они пришли на наши испытания и увидели то же, что и мы сегодня. Столько молодых людей, исполненных жажды знаний! Единственное мое желание – чтобы у нас были места для всех них!

Когда мы вернулись из храма, госпожа Тринчи уже всю командувала на кухне, куда я и направилась. Утром от мыслей об одиночестве меня отвлек Его Святейшество, взяв меня в храм. Теперь же эстафету у него приняла госпожа Тринчи. На ней было изумрудно-зеленое платье, крупные золотые серьги и такие же браслеты, позвякивавшие во время работы. Длинные темные волосы на этот раз имели красноватый оттенок.

Жизнь госпожи Тринчи редко бывала такой же упорядоченной, как у постоянных обитателей Йокханга. Сегодняшний день не был исключением. Проблемы начались в два часа ночи, когда неожиданно отключилось электричество. Госпожа Тринчи легла спать в твердой уверенности, что утром в духовке она найдет замечательные хрустящие меренги – ведь она поставила их на ночь, установив нужную температуру. Но утром в духовке оказалось лишь неприглядное, ни для чего не пригодное месиво, – а до приезда гостей Его Святейшества оставалось всего семь часов.

Пришлось судорожно взбивать белки заново, нервничать из-за выбора нужной температуры духовки и составлять новый план доставки белковой массы к часу дня – после приготовления основного блюда, но до подачи десерта.

– А не проще ли приготовить другой десерт? – спросил Тенцин, рискуя навлечь на себя гнев нашей мастерицы. – Что-нибудь простое, например...

– Это *должна быть* «Павлова»! Она же австралийка!

Госпожа Тринчи швырнула в раковину лопатку из нержавеющей стали. Она всегда готовила что-нибудь из национальной кухни очередного гостя, и сегодня у нее был такой же план.

– Что австралийского в баклажанах с пармезаном?

Тенцин осторожно отступил назад.

– Или в овощном рагу?!

– Я всего лишь предложил...

– Не предлагай! Тихо все! Нет времени для предложений!

Помощник Его Святейшества благоразумно отступил.

Несмотря на все проблемы, блюда госпожи Тринчи, как всегда, оказались настоящим гастрономическим триумфом. По десерту невозможно было догадаться о том, с какими трудностями пришлось столкнуться нашей мастерице. На идеальной основе расположились идеальные меренги, наполненные фруктами и взбитыми сливками.

И госпожа Тринчи не забыла и о Самом Красивом из Всех Живущих Существ. Мне достались остатки запеченной говядины! Я так наелась, что пришлось мяукать, чтобы меня спустили на пол после трапезы – самой бы мне никогда не прыгнуть!

Благодарно лизнув украшенные кольцами пальцы госпожи Тринчи, я направилась в приемную, где Далай-лама и его гость пили чай. В тот день нас посетила достопочтенная Робина Куртен, монахиня, посвятившая свою жизнь помощи бывшим заключенным. Она создала целый проект «Освобождение из тюрьмы». С Далай-ламой они обсуждали условия содержания заключенных в Америке. Я вошла и направилась к любимому шерстяному коврику, чтобы традиционно умыться лапкой.

– Условия очень различны, – говорила монахиня. – В некоторых тюрьмах заключенные большую часть дня проводят в камерах, порой в подвалах, без естественного освещения.

Нам приходилось усаживаться возле небольшого отверстия в стальных дверях, чтобы поговорить с заключенным в камере. В таких условиях нет никакой надежды на реабилитацию.

– Но есть и другие тюрьмы, – продолжала она. – Атмосфера в них более позитивна. Заключенные получают профессиональную подготовку. У них появляется мотивация для перемен. Конечно, обстановка все равно тюремная, но большую часть дня двери камер открыты, можно заниматься спортом и отдыхать. Там есть телевизоры, библиотеки и доступ к компьютерам.

Монахиня помолчала и улыбнулась, словно что-то вспомнив.

– Когда я вела курсы медитации во Флориде, среди моих слушателей была группа осужденных на пожизненное заключение. Один из них спросил меня: «А чем занимаются монахини изо дня в день?» И я ответила, что мы поднимаемся в пять утра и занимаемся медитацией. Это показалось ему слишком рано! В тюрьме встают в семь часов. Я рассказала, что наш день расписан буквально по минутам – с пяти утра и до десяти вечера. Больше всего времени мы посвящаем чтению и учебе. А еще монахини работают в саду и огороде – выращивают овощи и фрукты для самих себя. – Монахиня поморщилась: – Моему собеседнику это явно не понравилось, но остальные засмеялись.

– Я сказала, что мы не смотрим телевизор, не читаем газеты, в монастыре нет ни спиртного, ни компьютеров, – продолжала монахиня. – В отличие от заключенных монахини не могут зарабатывать, чтобы что-то покупать. И, конечно, никаких супружеских визитов!

Далай-лама улыбнулся.

– И тогда произошло нечто поразительное! – сказала монахиня. – Этот человек подошел ко мне и, не сознавая, что говорит, предложил: «Если это слишком тяжело, вы всегда можете прийти и поселиться здесь, с нами!» Все захохотали!

– Он правда пожалел меня! – на глазах монахини блеснули слезы. – Жизнь в монастыре показалась ему тяжелее, чем в тюрьме!

Его Святейшество наклонился вперед, задумчиво поглаживая подбородок.

– Как это интересно! Сегодня утром в храме мы видели молодых монахов, борющихся за право жить в монастыре. Послушников слишком много, а мест слишком мало. Но в тюрьму никто не хочет, хотя условия жизни там легче, чем в монастыре. И это доказывает, что счастливыми или несчастными нас делают вовсе не обстоятельства нашей жизни, а то, как мы их воспринимаем.

– Верим ли мы, что у каждого есть возможность вести счастливую, осмысленную жизнь, каковы бы ни были жизненные обстоятельства? – спросил Далай-лама.

– Конечно! – воскликнула монахиня.

Его Святейшество кивнул.

– Большинство людей считает, что единственный выход – изменить обстоятельства. Но не в этом причина их несчастья. Важно лишь то, как они воспринимают эти обстоятельства.

– Мы советуем нашим ученикам превратить их тюрьмы в монастыри, – сказала монахиня. – Нужно перестать воспринимать проведенное в тюрьме время как вычеркнутое из жизни. Нужно увидеть поразительную возможность для личного развития. Некоторым это удастся, и они переживают невероятную трансформацию. Они обретают истинный смысл и цель жизни и выходят на свободу полностью изменившимися.

– Это прекрасно, – тепло улыбнулся Его Святейшество. – Было бы замечательно, если бы все это поняли – особенно те, кто живет в тюрьмах, построенных собственными руками.

Сказав это, Далай-лама посмотрел на меня, но я не поняла почему. Я никогда не считала себя узницей. Снежным Барсом – да! Самым Красивым из Всех Живущих Существ –

конечно же! Да, у меня были некоторые проблемы, и главная – то, что я по-прежнему оставалась единственной кошкой в резиденции.

Но узницей?

Я?

Лишь позже мне стало ясно, что имел в виду Его Святейшество. Когда гости ушли, Далай-лама попросил пригласить госпожу Тринчи, чтобы поблагодарить ее за прекрасную трапезу.

– Все было прекрасно, – сказал он. – Особенно удался десерт. Достопочтенной Робине он очень понравился. Надеюсь, готовить вам было не слишком сложно?

– О, нет – *non troppo!* Совсем несложно.

В присутствии Его Святейшества госпожа Тринчи полностью менялась. Мощная Брунгильда из столь любимых Тенцином опер Вагнера, хозяйка кухни, исчезала, а вместо нее появлялась заливающаяся румянцем школьница.

– Мы не хотели бы нагружать вас сверх меры. – Далай-лама задумчиво посмотрел на госпожу Тринчи, а потом сказал: – Это был очень интересный обед. Мы разговаривали о том, что счастье и довольство не зависят от обстоятельств. Госпожа Тринчи, вы одиноки, но мне кажется, что вы вполне счастливы.

– Мне не нужен другой муж, – категорически заявила госпожа Тринчи. – Конечно, если вы это имеете в виду.

– Значит, одиночество не является причиной несчастья?

– Конечно, нет! *Mia vita u buona*. Моя жизнь вполне хороша. Я абсолютно ею довольна.

– И я тоже, – кивнул Его Святейшество.

В этот момент я поняла, что имел в виду Далай-лама, говоря о тюрьмах, построенных собственными руками. Он говорил не только о физических обстоятельствах нашей жизни, но об идеях и убеждениях, которые делают нас несчастными. Вот мне, например, казалось, что для счастья мне необходимо общество другой кошки.

Госпожа Тринчи направилась к двери, словно уходя. Но, прежде чем открыть дверь, она остановилась:

– Можно задать вам вопрос, Ваше Святейшество?

– Конечно!

– Я прихожу сюда готовить больше двадцати лет, но вы никогда не пытались обратить меня. Почему?

– Как же вы меня насмешили, госпожа Тринчи! – Его Святейшество расхохотался, осторожно взял женщину за руку и сказал: – Цель буддизма – не обращение людей. Мы стремимся дать людям средства, чтобы они смогли обрести истинное счастье. Чтобы они стали более счастливыми католиками, более счастливыми атеистами, более счастливыми буддистами. В мире много конфессий, и я знаю, что вы уже хорошо знакомы с одной из них.

Госпожа Тринчи недоуменно подняла брови.

– В жизни есть удивительный парадокс, – продолжал Далай-лама. – Лучший способ достичь счастья – это подарить счастье другим.

Тем вечером я сидела на своем подоконнике, глядя на храмовый двор. Надо провести эксперимент, подумала я. Когда в следующий раз мне захочется, чтобы в моей жизни появилась другая кошка, нужно напомнить себе о Его Святейшестве и госпоже Тринчи. Они оба совершенно одиноки – и счастливы. Нужно сознательно постараться сделать счастливым другое существо – хотя бы ласково помурлыкать. И тогда я смогу переключиться с себя на окружающих. Я проверю тот «удивительный парадокс», о котором говорил Далай-лама. Интересно, будет ли он работать для меня.

И когда я приняла это решение, мне сразу же стало легче. Словно тяжкий груз свалился с моей спинки. Расстраивали меня не обстоятельства собственной жизни, а мое к ним отношение! Избавившись от убеждения, порождавшего несчастье, решив, что мне не нужна другая кошка, я смогла превратить свою тюрьму в монастырь.

Я размышляла над этой мыслью, когда что-то привлекло мое внимание – легкое движение рядом с большим камнем на цветочной клумбе на противоположной стороне двора. Стало темно, но камень был освещен зеленым фонарем, который всю ночь горел на уличном прилавке. Я замерла, вглядываясь вдаль.

Нет, я не ошиблась! Завороженная, я начала различать силуэт: крупный, похожий на льва, на дикого зверя из джунглей, с темными глазами и идеально симметричными полосками. Великолепный тигровый кот!

С плавной грацией он вскочил на камень. Движения его были точными и завораживающими. С камня он обозревал Джоканг, как землевладелец обозревает свои владения. И тут его голова повернулась к окошку, где сидела я. Кот замер.

Я чувствовала его взгляд.

Я ничем не выдала своего присутствия, но он видел меня, я была в этом уверена. Что он подумал? Кто знает? Кот ничем не выдал своих мыслей.

Он задержался на камне еще мгновение, а потом исчез, растворился в темноте так же таинственно, как и появился.

В сгущающемся мраке в окнах монастыря Намгьял засветились лампы – монахи возвращались в свою обитель.

Ночь стала живой – в ней появилась возможность.

Глава третья

Можно ли стать знаменитой по ассоциации?

Хотя я никогда не задавалась этим вопросом, но через несколько месяцев после приезда в Маклеод Ганджи на окраине Дхарамсалы получила на него ответ. Мои вылазки во внешний мир становились все смелее и чаще. Я познакомилась не только с резиденцией Далай-ламы и храмовым комплексом, но и с тем, что находилось ниже Джоканга на склоне холма.

Сразу за храмовыми воротами были установлены прилавки, с которых торговали фруктами, закусками и другими свежими продуктами. Сюда приходили местные жители. Было несколько прилавков для туристов. Самый большой прилавок с самым богатым ассортиментом принадлежал фирме S.J.Patel's Quality International Budget Tours. Хозяин предлагал самые разнообразные товары и услуги – от экскурсий по окрестностям Дхарамсалы до поездок в Непал. В его конторе гости могли купить карты, зонтики, мобильные телефоны, батарейки и воду в бутылках. С утра и до поздней ночи, когда все остальные киоски уже закрывались, господин Пател общался с туристами, возбужденно жестикулировал, разговаривая по мобильному телефону, а время от времени задремывал на пассажирском сиденье своей обожасмой машины – «Мерседеса» 1972 года, который всегда стоял поблизости.

Ни господин Пател, ни другие торговцы не обращали внимания на кошку, поэтому я довольно быстро осмелела и стала выбираться подальше. Там я нашла несколько маленьких магазинчиков, один из которых сразу же привлек мое внимание букетом соблазнительнейших ароматов, которыми веяло из открытой двери.

У входа в «Кафе Франк» выстроились ящики с цветами и уличные столики под желто-красными зонтиками, украшенными тибетскими символами благополучия. Из этой кондитерской всегда доносились запахи только что выпеченного хлеба и свежемолотого кофе. Впрочем, меня больше привлекали ароматы пирога с рыбой, паштета и восхитительного соуса «морнэ».

Я устраивалась на клумбе напротив ресторана и наблюдала за чередой туристов, которые каждый день сменяли друг друга за маленькими столиками: любители походов склонялись над своими ноутбуками и смартфонами, планируя вылазки, делясь фотографиями и пытаясь докричаться до родных – связь у нас никогда не отличалась высоким качеством; искатели духовных истин, прибывшие в Индию ради мистического опыта, погружались в размышления; охотники за знаменитостями озирались по сторонам, надеясь сфотографировать Далай-ламу.

Один мужчина проводил здесь почти весь день. Рано утром он выбирался из ярко-красного «Фиата Пунто». Машина была поразительно новой и яркой. На трущобной улице Маклеод Гандж она выглядела очень странно. Сначала с водительского места появлялась абсолютно лысая, блестящая голова. А потом передо мной возникал мужчина в стильном черном костюме с французским бульдогом. Они направлялись прямо в кафе – словно на сцену театра. Я часто видела этого мужчину и в ресторане, и за уличным столиком. Иногда он делал заказ официанту, а иногда сидел за столом, рассматривая бумаги и набирая номера на сверкающем черном смартфоне.

Не могу, дорогой читатель, объяснить, почему я сразу же не поняла, кто он такой, почему предпочитает собак кошкам, что его привело в «Кафе Франк». Но я была очень наивна – ведь в то время я все еще была котенком.

В тот судьбоносный день повар «Кафе Франк» приготовил особо соблазнительное блюдо дня. Аромат жареного цыпленка я почувствовала еще у ворот храма – сопротивляться искушению не было сил. Я вприпрыжку понеслась вниз по холму, насколько позволяли мои

еще неокрепшие лапки. И вот я уже стояла возле ящика с малиновой геранью у входа в ресторан.

Никакого плана у меня не было – я надеялась, что одного моего присутствия будет достаточно, чтобы получить щедрую порцию. С госпожой Тринчи этот номер всегда срабатывал. И вот я направилась к одному из столиков. Четверо туристов были так заняты своими чизбургерами, что не обратили на меня ни малейшего внимания.

Пришлось идти дальше.

За столиком в зале пил черный кофе пожилой мужчина со средиземноморским загаром. Он абсолютно безразлично скользнул по мне взглядом.

Я уже вошла в ресторан и гадала, куда пойти дальше, и вдруг раздалось рычание. Всего в нескольких метрах от меня стоял и грозно смотрел на меня французский бульдог. Я понятия не имела, что нужно делать, хотя любая кошка отлично справилась бы. Выгнуть спину. Угрожающе зашипеть. Продемонстрировать собаке такую грозную стойку, чтобы она и шагу ко мне не сделала.

Но я была еще маленьким и глупым котенком, поэтому бросилась наутек, спровоцировав пса. Он бросился за мной, и когти его громко застучали по деревянному полу. На подкашивающихся лапках я неслась, что было сил. Неожиданно зловещее рычание раздалось совсем рядом. В панике я бросилась вперед и оказалась в углу в незнакомой комнате. Мое сердце билось так сильно, что мне почудилось – оно вот-вот разорвется. Передо мной оказалась старомодная стойка для газет, и за ней я увидела узкую щель. Выхода у меня не было. Бульдог был так близко, что я чувствовала его зловонное дыхание. Мне пришлось подпрыгнуть и перескочить стойку. С глухим ударом я приземлилась на все четыре лапы.

Победа ускользнула так внезапно, что пес буквально взбесился. Он видел меня всего в нескольких дюймах, но не мог добраться. Он истерически лаял, а потом раздалось голоса людей.

– Здоровенная крыса! – воскликнул один.

– Прямо там! – подхватил другой.

И тут меня накрыла черная тень. Я почувствовала сильный запах лосьона после бритья Kouros. Потом возникло странное ощущение, которого я не испытывала с самого раннего детства. Меня ухватили за загривок и подняли вверх. Трепыхаясь, я увидела перед собой блестящую лысину и зловещие карие глаза Франка – это в его кафе я проникла и его бульдога вывела из себя. Было совершенно очевидно, что он – не самый большой любитель кошек.

Время остановилось. Я видела гнев в этих выпученных глазах, пульсирующую вену на виске, стиснутые челюсти и тонкие губы. В левом ухе мужчины висела золотая серьга с символом Ом.

– Кошка! – буквально выплюнул он, словно само это слово оскорбляло его слух. Глядя на бульдога, он добавил: – Марсель! Как ты мог позволить этой... пробраться сюда?

Я услышала американский акцент, но тон голоса был очень неприятным.

Марсель съезился и нагнул голову.

Франк вышел из кафе. Он явно собирался меня вышвырнуть, и это напугало меня до полусмерти. Большинство кошек умеет прыгать с большой высоты и приземляться на лапы. Но я не похожа на большинство кошек. У меня очень слабые и шаткие лапки. Если он меня бросит, я могу вообще не подняться. А что если я не смогу ходить? Если никогда не смогу вернуться в Джоканг?

Мужчина со средиземноморским загаром так же бесстрастно пил свой кофе. Туристы склонились над тарелками, уплетая картошку фри. Никто не спешил мне на помощь.

Франк вышел на обочину. Выражение его лица стало еще более брезгливым. Он поднял меня вверх и отвел руку назад. Он явно хотел не просто бросить, а вышвырнуть меня прочь, словно ракету.

И тут мимо нас прошли два монаха. Они направлялись в Джоканг. Заметив меня, они приложили руки к сердцу и почтительно склонили головы.

Франк обернулся, чтобы посмотреть, кто у него за спиной.

Не увидев ни ламы, ни святого человека, он удивленно повернулся к монахам.

– Кошка Далай-ламы, – объяснил один.

– Очень хорошая карма, – добавил его спутник.

Подожли другие монахи, и все склонились перед нами.

– Вы уверены? – изумленно спросил Франк.

– Кошка Его Святейшества, – хором произнесли монахи.

Во Франке произошла мгновенная и абсолютно невероятная перемена. Он прижал меня к груди, осторожно уложил на локоть и стал поглаживать меня той самой рукой, которой только что собирался вышвырнуть с глаз долой. Мы вернулись в «Кафе Франк» и направились туда, где лежали газеты и журналы на английском языке. Они придавали ресторану космополитичный дух. Между лондонской «Таймс» и «Уолл-стрит Джорнел» на полке оставалось место, и Франк осторожно усадил меня туда, словно я была фарфоровой вазой династии Мин.

– Теплового молока, – приказал он проходящему мимо официанту. – И сегодняшнего цыпленка. Порежь помельче!

Скаля зубы, к нам подбежал Марсель, но хозяин остановил его:

– И если *ты* посмеешь хоть *взглянуть* на эту очаровательную малышку, – Франк поднял указательный палец, – сегодня будешь ужинать *индийским* собачьим кормом!

Мне принесли цыпленка. На вкус он был так же хорош, как и его аромат. Успокоенная подтверждением своего нового статуса, я вскарабкалась с нижней полки на самую верхнюю и устроилась между «Вэнити Фейр» и «Вог». Это место более подобало Снежному Барсу Джоканга – да и вид на ресторан оттуда открывался куда лучше.

«Кафе Франк» – это типичный для Гималаев гибрид: сочетание европейского шика с буддистской мистикой. Рядом со стойкой с глянцевыми журналами, кофе машиной и элегантными столиками соседствуют статуи Будды и ритуальные предметы, как в храме. На стене в золоченых рамках висят черно-белые фотографии Франка: Франк вручает белый шарф Далай-ламе, Франка благословляет Кармапа, Франк рядом с Ричардом Гиром, Франк у входа в монастырь «Гнездо Тигра» в Бутане. Посетители смотрят на эти снимки под гипнотическую музыку – из колонок доносится тибетский буддистский напев «Ом Мани Падме Хум».

Я сидела на выбранном месте и с живым интересом наблюдала за входящими и выходящими. Меня заметили две девушки, американки. Они тут же заворковали и принялись меня гладить. Франк подошел прямо к ним:

– Это кошка Далай-ламы, – прошептал он.

– О Боже! – воскликнули они.

Франк с достоинством повел плечом:

– Она постоянно приходит сюда.

– О Боже! – снова воскликнули девушки. – А как ее зовут?

Сначала Франк не знал, что ответить, но тут же нашелся:

– Ринпоче, – сказал он. – Это означает «драгоценность». Очень особое имя, обычно так называют только лам.

– О Боже! А можно нам с ней сфотографироваться?

– Только без вспышки, – сурово ответил Франк. – Ринпоче не любит, когда ее беспокоят.

И это повторялось снова и снова.

– Кошка Далай-ламы, – говорил Франк, кивком указывая на меня, пока выписывал посетителям счета. – Обожает нашего жареного цыпленка.

А другим он говорил:

– Мы заботимся о ней ради Его Святейшества. Разве она не божественна?

– Поговорим о карме, – постоянно напоминал своим гостям Франк. – Ринпоче. Это означает «драгоценность».

Дома меня звали КЕС. Далай-лама и его помощники окружили меня любовью и добротой, и все же я была всего лишь кошкой. В «Кафе Франк» я стала знаменитостью! Дома мне на обед предлагали сухой корм – по мнению производителей, их продукция обеспечивала растущих котят всеми необходимыми питательными веществами. В «Кафе Франк» каждый день готовили говядину «бургиньон», петуха в вине и ягненка по-провансальски. Я усаживалась на подушку с изображением лотоса и благосклонно вкушала все эти яства. Франк очень заботился, чтобы мне было удобно. Очень скоро я променяла сухой корм Джоканга на деликатесы «Кафе Франк» – только плохая погода останавливала меня.

У Франка меня привлекала не только еда. Ресторан был невероятно интересным местом. Аромат экологически чистого жареного кофе как магнитом притягивал сюда западных туристов всех возрастов, характеров и цветов кожи. Они говорили на самых разных языках и были одеты в какие-то невероятные одежды. Всю свою короткую жизнь я провела среди тихих монахов в шафраново-красных одеждах. «Кафе Франк» стало для меня настоящим зоопарком.

Но очень скоро я начала понимать, что, несмотря на все явные различия, туристы очень похожи друг на друга. И одно такое сходство показалось мне наиболее интересным.

Когда на кухне распоряжалась не госпожа Тринчи, на холме готовили самую незатейливую еду. Чаще всего это был рис или лапша с овощами, рисом или (реже) мясом. Так готовили и в доме Далай-ламы, и в соседнем монастыре – там послушники перемешивали рис или овощи в огромных котлах здоровенными деревянными мешалками. Но хотя еда была очень простой, трапезы доставляли всем огромную радость и удовольствие. Монахи ели медленно, в почтительной тишине, смакуя каждый кусочек. Глядя на их лица, можно было подумать, что они предвкушают великое открытие. Какое чувственное удовольствие ожидает их сегодня? Какой оттенок вкуса покажется им особым и восхитительным?

Но достаточно было уйти совсем недалеко по дороге – и в «Кафе Франк» меня ожидал совершенно иной мир. Со своего места на верхней полке стойки для журналов я сквозь стеклянную дверь смотрела прямо на кухню. Двое братьев из Непала, Джинме и Нгаванг Драгпа, начинали хозяйничать здесь еще до рассвета. Они пекли круассаны, шоколадные кексы и разнообразные пирожные. Они замешивали тесто для обычного, французского, итальянского и турецкого хлеба.

Кафе открывалось в семь утра. Братья Драгпа уже готовили завтрак: яйца – глазунью, омлет, вареные, «бенедикт», «флорентин», пашот, картофель, бекон, грибы, помидоры, французские тосты, огромный выбор мюсли и хлопьев, фруктовые соки, чай и фирменные сорта кофе. В одиннадцать завтрак перерастал в обед. Появлялось новое, очень сложное меню, которое еще больше усложнялось к ужину.

Я никогда прежде не видела столь разнообразной еды, приготовленной из такого количества компонентов, поступавших со всех концов света. Ряд банок со специями на монастырской кухне не мог сравниться с целой армадой баночек и бутылочек с приправами, соусами, добавками и ароматизаторами с кухни «Кафе Франк».

Если на вершине холма монахи находили удовлетворение в самой простой пище, то восхитительные блюда, подаваемые гостям «Кафе Франк», должны были приносить невыразимое, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Но оказалось, что это не так.

Попробовав еду, большинство гостей «Кафе Франк» вообще переставали замечать ее вкус – и вкус кофе. Повара напряженно трудились, гости платили много денег, но при этом практически не обращали внимания на еду. Они были слишком заняты разговором, написанием эсэмэсок друзьям и родственникам, чтением иностранных газет, которые Франк каждый день приносил с почты.

Мне это казалось удивительным. Судя по всему, эти люди не знали, *как* нужно есть!

Многие туристы останавливались в отелях, где в номерах были чайники и можно было приготовить себе чай или кофе. Если они хотели выпить чашку кофе без всяких изысков, то почему не сделали этого в собственной комнате – и совершенно бесплатно? Зачем платить три доллара, чтобы *не* насладиться в полной мере кофе из «Кафе Франк»?

Понять смысл происходящего мне помогли два помощника Его Святейшества. После моего первого визита в «Кафе Франк» они в своей комнате занимались разбором рукописей. Авторы присылали Его Святейшеству свои труды в надежде, что он согласится написать предисловие. Чогьял откинулся на спинку стула и сказал Тенцину:

– Мне нравится это определение осознанности. Осознанность – это умение сосредоточиться на текущем моменте намеренно и непредвзято. Точно и ясно, правда?

Тенцин кивнул.

– Никаких размышлений о прошлом или будущем, никаких фантазий, – продолжал Чогьял.

– Согьял Ринпоче дает еще более простое определение, которое мне нравится больше, – ответил Тенцин. – Чистое присутствие.

– Гм, – задумался Чогьял. – Никакого ментального возбуждения и проработки.

– Именно, – кивнул Тенцин. – В этом и заключена основа истинного удовлетворения.

Когда я снова пришла в «Кафе Франк», меня ожидала солидная порция копченого шотландского лосося с роскошным соусом из жирных сливок. Уж поверьте, этим блюдом я насладились в полной мере – даже слишком энергично и шумно. А потом я уселась на подушку с лотосами между последними номерами модных журналов и стала наблюдать за гостями.

Чем дольше я наблюдала, тем очевиднее мне становилось: всем им недостает осознанности. Хотя они находились всего в нескольких сотнях ярдов от резиденции Далай-ламы, в настоящем заповеднике тибетского буддизма, каким представало «Кафе Франк», они не наслаждались этим уникальным местом и моментом своей жизни. Большую часть времени они мысленно были очень далеки отсюда.

Все чаще курсируя между Джокангом и «Кафе Франк», я начала замечать, что на холме счастье проистекало из развития внутренних качеств людей – в первую очередь осознанности, но еще и щедрости, уравновешенности и добросердечия. Внизу же люди искали счастье во внешнем – ресторанной еде, приятном и интересном отдыхе, достижениях современной технологии. Конечно, нет никаких препятствий к тому, чтобы наслаждаться и тем и другим одновременно: мы, кошки, отлично знаем, что осознание восхитительного вкуса изысканной еды – это самое большое доступное живому существу счастье!

Однажды в «Кафе Франк» появилась интересная пара. На первый взгляд это были самые обычные американцы средних лет в джинсах и футболках. Они пришли довольно поздно для завтрака. Франк в своих новых джинсах от Армани сам подошел к их столику.

– Как дела? – привычно спросил он.

Американцы заказали кофе, а потом мужчина спросил у Франка, что это за цветные шнурки у него на запястье. Польщенный вниманием хозяин ресторана ответил очень подробно, и теперь я тоже знаю эту историю.

– Это освященные шнурки. Их получаешь у ламы, когда проходишь особую инициацию. Красный – это знак инициации калачакра. Я прошел ее у Далай-ламы в 2008 году. Синие – инициация ваджраяна. Ее я проходил в Боулдере, Сан-Франциско и Нью-Йорке в 2006, 2008 и 2010 годах. А желтые – это память об инициациях в Мельбурне, Шотландии и на Гоа.

– Очень интересно, – кивнул мужчина.

– Дхарма – это моя жизнь, – провозгласил Франк, театральным жестом прикладывая руку к сердцу. Потом он указал на меня: – Видите эту малышку? Это кошка Далай-ламы. Постоянно приходит к нам. Это символ кармической связи с Его Святейшеством.

Склонившись к гостям, он понизил голос и таинственно сообщил:

– Мы находимся в самом сердце тибетского буддизма. Это абсолютный эпицентр!

Трудно сказать, что эти люди подумали о Франке. Но они оказались не похожи на других гостей! Когда им принесли кофе, они замолчали и стали наслаждаться вкусом. Не одним лишь первым глотком, но и вторым, и третьим, и всеми остальными. Как монахи Джоканга, они осознанно жили текущим моментом. Наслаждались кофе. Наслаждались обстановкой. Это был опыт чистого присутствия.

Неудивительно, что, когда они вернулись к разговору, я насторожила уши и стала с интересом прислушиваться. И услышанное меня не удивило. Мужчина оказался исследователем осознанности. Он рассказывал жене о статье, опубликованной в *Harvard Gazette*.

– Они обследовали более двух тысяч человек, имевших смартфоны. В течение недели они случайным образом посылали им вопросы – одни и те же три вопроса: «*Чем вы занимаетесь? О чем думаете? Насколько вы счастливы?*» И выяснилось, что сорок семь процентов времени люди не думают о том, чем занимаются.

Жена удивленно подняла брови.

– Лично я считаю, – продолжал муж, – что эти цифры еще и занижены. Люди очень часто не сосредотачиваются на том, что делают. Но по-настоящему интересна оценка счастья. Исследователи обнаружили, что, сосредоточившись на своем занятии, люди становятся гораздо счастливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.